

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ ЛЕГЕНД ОСТРОВА СИЦИЛИЯ

А. А. Иванова, О. Ю. Муштанская

Ключевые слова: мотив, сюжет, легенда, Сицилия, Италия, фольклор
Keywords: motif, plot, legend, Sicily, Italy, folklore

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-10)

Введение

Сицилия известна культурным, историческим и языковым своеобразием. Колонизированный в VIII в. до н. э. греками, остров впитал в себя значительное количество мифологических элементов, представлений и персонажей Древней Греции. Специфика Сицилии, кроме того, состоит в том, что на протяжении своей истории эти земли становились объектом завоевания разных народностей. Данный факт способствовал взаимодействию множества языков, религий и культур в регионе. В XIX–XX вв. основным письменным источником, содержащим памятники устного народного творчества Сицилии, являлся труд писателя и этнографа Джузеппе Питре [Pitrè, 1904], где были представлены легенды острова на сицилийском диалекте с комментариями автора. В XXI в. интерес к фольклору острова возрос, что обусловило большее разнообразие произведений, посвященных изучению легенд и мифов Сицилии. В частности, в издании «Cola Pesce e altre fiabe e leggende popolari siciliane» [Pitrè, Lazzaro, 2016] на литературный итальянский были переведены вышеуказанные материалы, собранные Дж. Питре. На легендах средневековой эпохи сосредоточено внимание в издании Ф. Пурпурра «Leggende medioevali siciliane» [Purpura, 2005], в то время как И. Калоджеро [Caloggero, 2022] в книге «Culti dell'antica Sicilia» проводит глубокий анализ в области фольклора и мифологии Древней Сицилии: автор рассматривает влияние древних культов на некоторые традиции, обычай и поверья, характерные для христианского периода. Ряд легенд приводит Э. Ди Паскуале [Di Pasquale, 2012] в работе, посвященной мистическим местам и загадочным историям острова. А. Кризафи [Crisafi, 2019] рассматривает легенды Сицилии в исторической ретроспективе и определяет их как особо значимую часть культурного наследия Италии. Интерес к сицилийскому фольклору наблюдается и в России, о чем свидетельствует, например, появление путеводителя по мифологическим ме-

стам Сицилии [Салеева, 2015], где мифы, легенды и предания классифицированы согласно географическому принципу.

Стоит, однако, отметить, что большинство этих трудов, несмотря на безусловно высокую художественную ценность, по сути являются каталогизацией мифологического материала, который при этом не становится объектом системного научного исследования. Разработки итальянских литературоведов, например, созданный Р. Чезарани, М. Доминикелли и П. Фазано словарь-указатель основных литературных мотивов, сюжетов и персонажей [Dizionario dei temi letterari, 2007], сосредоточены на произведениях итальянской и мировой художественной литературы и обходят вниманием такой богатый материал, как локальные памятники устного народного творчества.

Обзор русскоязычных научных работ показал, что, несмотря на обилие трудов, посвященных анализу конкретных сюжетообразующих мотивов в художественных произведениях российских и зарубежных писателей [Дорофеева, 2018; Хагожеева, 2018; Сингубова, 2023; Нефедова, 2022; Павлова, Никитин, 2022], исследования в области мотивов в сицилийских легендах отсутствуют и в нашей стране.

Цель данной статьи — выявить устойчивые сюжетные мотивы в сицилийских легендах. Актуальность исследования, таким образом, обусловлена вниманием к изучению семантики мотива, в то время как новизна исследования определяется отсутствием системных научных исследований в области сицилийского фольклора.

Методы и материалы

Авторы статьи используют в качестве материала сицилийские легенды из разных источников, среди которых интернет-сайты¹, книга Д. Салеевой «Куда бежит Горгон? Путеводитель по мифологическим местам Сицилии» [Салеева, 2015], а также труды Джузеппе Питре [Pitrè, 1904] и И. Калоджеро [Caloggero, 2022]. Материал исследования при этом не ограничивался ни хронологическими, ни тематическими рамками.

Теоретико-методологической базой послужили основные положения и принципы теории мотива и сюжета, разработанные основоположником семантического подхода к исследованию мотива А. Н. Веселовским [Веселовский, 1989]; труды родоначальника морфологического подхода В. Я. Проппа [Пропп, 1998; 2000; 2001], работы Б. Н. Путилова [Путилов, 1994], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 2001; 2005] и С. Ю. Неклюдова [Неклюдов, 2004]. Высокую значимость для данного исследования име-

¹ www.siciliafan.it; www.eccellenzemeridionali.it; www.siciliapreziosa.it; www.globusmagazineit

ет монография И. В. Силантьева, где представлен обзор фундаментальных исследований по теории мотива [Силантьев, 2004].

В качестве жанровой дефиниции легенды в данной статье мы будем опираться на определение, предложенное З.Ж. Кудаевой, согласно которой легенда — это «нарратив, сюжетообразующим элементом в котором является топонимический, мифологический и религиозный мотивы» [Кудаева, 2019]. В качестве дополнительного жанрового идентификатора нами было использовано определение «легенда» в названии.

Опорным принципом при трактовке мотива для нас будет выступать возможность разделения сюжета на минимальные сюжетно-тематической точки зрения фрагменты [Неклюдов, 2004, с. 240], а также принцип их повторяемости за пределами одного произведения. Для обозначения мотива предполагается использовать ключевые слова — отглагольные существительные, обозначающие некие действия, с которыми семантически коррелирует соответствующий глагол.

Методической базой послужили следующие методы: описательно-аналитический, структурно-семантический, функционально-семантический, историко-типологический, а также метод перевода источников.

Результаты и обсуждение

Как уже отмечали исследователи, сюжету обычно соответствует целая серия мотивов [Неклюдов, 2004, с. 239; Типологические исследования по фольклору, 1975, с. 142]. По нашим наблюдениям, наиболее частотными сюжетообразующими мотивами в сицилийских легендах является комбинация мотива любви, представляющего конфликтную ситуацию, и мотива превращения, являющегося, в свою очередь, разрешением создавшейся коллизии. Такое сочетание типично для значительного количества этиологических легенд, что позволяет говорить о формировании инвариантной структурной модели, в которой один из персонажей испытывает любовь к другому персонажу, однако тот, не отвечая взаимностью и желая спастись от такого навязчивого преследования, обращается за помощью к высшим силам, которые превращают его в объект природы. Такая сюжетная схема обретает повествовательную реализацию, например, в легенде об Аретузе, которая рассказывает историю происхождения источника пресной воды на острове Ортиджия недалеко от Сиракуз. По преданию, Аретуза была нимфой, к которой воспыпал страстью речной бог Алфей. Аретуза попыталась сбежать и обратилась с мольбой к богине Диане, которая превратила ее в водный источник.

На комбинации мотивов любви, превращения и мести основан сюжет легенды греческого происхождения об Акиде и Галатее. Согласно одной

из многочисленных версий, пастух по имени Акид очаровал речную нимфу Галатею, чем вызвал ревность влюблённого в неё циклопа Полифема, который убил юношу камнем. Боги, тронутые горем и мольбой Галатеи, превратили потоки крови Акида в реку, а саму нимфу — в морскую пену. Легенда, таким образом, объясняет происхождение находящегося неподалеку от Капомулини источника, чьи красноватые воды, очевидно богатые железом, напоминают кровь.

Сочетание мотива *превращения* и мотива *мести* характерно для древних легенд с мифологическим элементом. Превращение в таких легендах является наказанием, посланным каким-либо божеством человеку в качестве мести. На такой комбинации основана легенда о Медузе — красавице, превращенной в чудовище богиней Афиной. Однако схожие мотивы можно встретить и в эпоху Средневековья. С коммуной Эриче связана легенда о девушке по имени Беллина, к которой посвятился гостивший в тех местах барон, однако та отказалась ему. Тогда барон по совету одного волшебника украл у неё кольцо — единственную память об ушедшем в крестовый поход возлюбленном. По замыслу мага, наложившего заклятие на украшение, согласившись поцеловать барона в обмен на кольцо, девушка влюбилась бы без памяти в дворянина. Беллина же отказалась, в результате чего была превращена в черную змею [Салеева, 2015, с. 213].

Как видно из этого примера, со временем схема развития сюжета, объединенного мотивами любви и мести, трансформировалась: героям легенд обращаются за помощью уже не к богам, а к колдовству.

В некоторых случаях компонент «фантастического» был элиминирован. Так, легенда о колодце Гаммазиты, находящемся в Катании, повествует о событиях, происходивших во время господства на острове Карла I Анжуйского. Это был сложный период для острова, характеризующийся бесчинствами французов по отношению к коренному населению. Со-гласно легенде, девушке по имени Гаммазита докучал французский солдат, которому она приглянулась. Однажды, направившись по обыкновению к источнику, девушка поняла, что ей не удастся избежать насилия, и предпочла смерть бесчестию — Гаммазита бросилась в колодец. Эта легенда интересна также с точки зрения изучения региональной специфики сицилийского фольклора: с одной стороны, она является отражением явного недовольства коренного населения острова господством французов, с другой — имя девушки, по одной из версий арабского происхождения, подтверждает высокое влияние арабской культуры в регионе.

Другой пример, где сюжетообразующими мотивами являются мотивы любви и мести, представляет легенда периода арабского господ-

ства на острове. Действие происходило в Палермо, в квартале Кальса, где были расквартированы арабские солдаты, которых местное население называло маврами. Одна молодая женщина, выращивающая на своем балконе цветы, с первого взгляда полюбила арабского солдата, который ответил ей взаимностью. Через некоторое время мавр сообщил женщине о том, что на родине у него остались жена и дети, к которым он планировал вернуться. Женщина, охваченная обидой и ревностью, убила возлюбленного, отрезала его голову и превратила ее в горшок для базилика.

Анализируя сюжетные линии сицилийских легенд, можно выявить мотив *спасения бегством*, которое, по наблюдению исследователей, проходит преимущественно в лодке [Салеева, 2015, с. 12]. В частности, мотив *спасения бегством* представлен в топологической легенде, предположительно византийского происхождения [Салеева, 2015, с. 15], об основании Сицилии. Она повествует о юной ливанской принцессе по имени Сицилия, жившей в давние времена. Оракул предсказал ее родителям, что если их дочь не покинет свою родину, то не доживет до пятнадцати лет: ее поглотит чудовище. Тогда родители отправили Сицилию в море на маленькой лодке. Спустя три месяца девушка прибыла на остров сказочной красоты. Появившийся юноша открыл ей, что произошло: все жители острова погибли от чумы, но боги хотели создать новую расу на этой богатой и прекрасной земле, и именно им двоим выпало исполнить волю богов. Молодые люди полюбили друг друга и дали начало первому новому поколению на острове.

Для апокрифических легенд традиционным является мотив *победы добра над злом*. Согласно одной из многочисленных легенд, к святому Георгию, бывшему в те времена простым пастухом, явился дьявол и предложил выяснить, кто из них превосходит другого. Они договорились, что поделят все, что увидят на своем пути, пополам, при этом у каждого будет возможность выбрать ту часть, которая ему больше нравится. Каждый раз выбор дьявола был неверным (на пшеничном поле он предпочел корни, на лакричном — вершки, в море — скалы и рифы). В этой легенде особенно прослеживается сближение со сказкой, которое отмечал В. Я. Пропп, обосновывая это явление родственными формами бытования и частичным совпадением структуры данных фольклорных жанров: сюжет о деле же урожая характерен как для русских сказок, где спор происходит между медведем и крестьянином, так и для западноевропейских стран, где главными героями выступали дьявол и святой Иоанн [Пропп, 1998, с. 283–284]. В другой раз дьявол предложил святому новое пари — кто построит дом красивее. Дом дьявола, построенный из застывшей лавы, получился ужасающе мрачным, в то время как дом святого Геор-

гия — восхитительно изящным и уютным. Отчаявшись, дьявол разрыдался, и тогда святой Георгий подарил ему свою виллу. Пытаясь зайти в дом, дьявол увидел у порога небольшой алтарь с распятием и в ярости убежал, понимая, что никогда ему не сравниться со святым Георгием.

В районе Мессинского пролива можно наблюдать необычную оптическую иллюзию — фата-моргана, получившую название в честь могущественной волшебницы, чье имя часто упоминается в сицилийском фольклоре и с которой связано множество легенд. В некоторых из них *мотив победы добра над злом* принял форму торжества христианской веры над колдовством. Согласно легенде, граф Роджер Отвиль не поддался предложению явившейся ему волшебницы в мгновенье ока перевправить его на противоположную сторону Мессинского залива, отдавив, что в помощи уповаает лишь на Иисуса Христа, и в конечном счете благополучно достиг Сицилии и освободил ее от арабского господства. В противоположность ему, согласно другой легенде, в период нашествия варваров на Сицилию один из предводителей, увидев Фату Моргану, не устоял перед чарами колдуньи, в результате чего утонул, не добравшись до берегов острова.

Также *мотив победы добра над злом* реализуется через оппозицию христианство — язычество. Сицилия, как известно, становилась объектом завоеваний со стороны пунийцев, римлян, остготов, византийцев, норманнов и прочих племен и народов. Легенда о Мате и Грифоне, которую можно рассматривать как аллегорию освобождения от набегов сарацин, гласит, что сарацинский гигант по имени Хасан ибн-Хаммар, занимавшийся пиратством, во время одного из своих набегов влюбился в сицилийскую девушку по имени Марта (Мата, по всей видимости, является диалектальным искажением этого имени) [Салеева, 2015, с. 59]. Однако Марта отказалась сарацину, который впоследствии понял, что единственный способ завоевать любовь и расположение девушки — изменить свой образ жизни. Хасан принял христианство, получив имя Грифон, и посвятил себя земледелию и благотворительности. Девушка, впечатленная этим поступком, ответила ему взаимностью. В браке родилось множество детей, поэтому Мату и Грифона называют прародителями Мессины.

Ряд демонологических легенд Сицилии основан на комбинации *мотива сговора человека с дьяволом* и *мотива хитрости*, которой, вопреки традиционным представлениям, наделяется не дьявол, а человек. В легенде о Пьетро Баэлардо и Люцифере юноша по имени Пьетро получил от своего дяди-волшебника табакерку, в которую были заключены демоны. Молодой человек научился управлять ими и заставлять их выполнять

свои желания, однако он осознавал, что таким общением с нечистой силой обрек свою душу на вечные мучения в ад после смерти. Однажды Люцифер, самый могущественный из дьяволов, показал Пьетро странные дома, каждый из которых не был достроен: одному не хватало крыши, другому — дверей. Дьявол объяснил человеку, что те дома представляли не что иное, как души людей, которые, совершая грехи, кирпичик за кирпичиком возводили здания. Завершение строительства же знаменовало то, что душа была готова отправиться в ад. Дому, олицетворяющему душу самого Пьетро, не хватало одного-единственного кирпича. Молодой человек спросил у Люцифера, чем он может заслужить себе прощение. Тот ответил, что для этого нужно в рождественскую ночь исповедаться в церквях трех разных столиц. Пьетро попросил помочь у самого дьявола, чтобы тот перенес его. Дьявол согласился, но при условии, что Пьетро отдаст ему половину того, что будет держать во рту, выходя из последней церкви, имея в виду гостию — кусочек пресного теста, используемый католиками во время евхаристического обряда. Пьетро, догадавшись о намерениях Люцифера совершить какое-то святотатство, выходя из последней церкви, проглотил гостию, положил в рот орешек, чем спас свою душу от вечных мучений в ад. Стоит отметить отличие легенды о Пьетро Баэлардо от описанной выше легенды о святом Георгии и дьяволе. Святой Георгий одержал победу над Люцифером, не прибегая к хитрости и обману: по преданию, неверный выбор во время пари совершал именно дьявол, не оставляя святому альтернатив. Можно предположить, что святой, будучи преисполненным добродетели и благочестия, в хитрости не нуждается. Вместе с этим хитрость как качество, присущее человеку, оправдывается и в других легендах. Одна из них, связанная с осадой города Кастроджованни, провинция Кальтаниссетта, Рожером I, гласит следующее. Граф, понимая, что осада затягивается, отправил в город послов на переговоры. Жители, желая показать, что им не страшен голод, демонстрировали многочисленные припасы — горы пшеницы, которые были всего лишь большими кучами песка, сверху присыпанными тонким слоем зерна.

Мотив божьей кары реализуется в легенде, которая повествует о событиях, произошедших в 1299 г. в провинции Рагуза. Группа французских солдат разграбила город Гульфи, ворвалась в церковь во время месссы и жестоко расправилась со священником и собравшимися на службу прихожанами. В полночь колокола церкви снова зазвонили, и на пороге в окровавленной рясе появился священник, за которым следовали убитые в тот день верующие. Через весь город процессия прошла к месту, где расположились французы, совершившие кощунство. Неведомая

сила заставила анжуйцев проследовать в церковь, где месса возобновилась с того момента, как была прервана. Затем, как гласит легенда, пол раскололся надвое, и бездна поглотила французских солдат.

В рассмотренных нами примерах *мотив превращения* подразумевал трансформацию человека в другой объект, однако существуют образцы легенд, где этот мотив предполагает оживление неодушевленных объектов при помощи магии или божественного вмешательства. Так, например, происходит в легенде о происхождении статуи черного слона — символа сицилийского города Катания. Считается, что название статуи — U Liotru — произошло от неправильного произношения имени Элиодоро — молодого сицилийского дворянина, жившего в VIII в. Элиодоро мечтал получить должность епископа, но, не добившись желаемого (вместо него епископом был назначен Леон, впоследствии совершивший множество деяний по укреплению христианской веры) [Салеева, 2015, с. 114], он стал усердно изучать магию и некроманию. Обратившись к дьяволу, в обмен на отречение от Христа он получил магическую силу и развлекался тем, что сеял хаос в городе. Используя лаву Этны, Элиодоро построил слона, оживил его и перемещался по городу, приводя в ужас жителей до тех пор, пока не был побежден Леоном. Сюжет этой легенды в то же время можно рассматривать как пример комбинации *мотивов превращения и победы добра над злом*, где добро представлено христианской верой, а зло — колдовством, а также *мотива соговора человека с дьяволом*.

Вместе с этим в исследуемом нами материале существуют примеры легенд, где в основе сюжета находился бы *мотив оживления*, то есть возвращения к жизни убитого героя. Возможно, это связано с древнегреческой традицией: боги, несмотря на свое могущество, не обладали даром оживлять мертвых. Так, в уже рассмотренной легенде об Акиде и Галатее боги не оживили убитого пастуха, но превратили его в источник, даровав таким образом «любленным» возможность быть вместе.

Сюжет легенды, связанной с названием улицы Discesa dei Giudici (дословно — Спуск Судей), которая ведет от площади Святой Анны до площади Беллини в Палермо, строится на *мотиве справедливости*. Главный герой истории, мальчик из богатой семьи, остался сиротой и воспитывался опекуном, который распоряжался его состоянием. Став взрослым, юноша попытался вернуть свое имущество, но получил отказ. В поиске справедливости он обратился к пяти известным судьям. Однако те, подкупленные хитрым опекуном, вынесли решение против сироты, после чего тот в отчаянии попросил аудиенции у Карла V, который на тот момент как раз был в городе. Король переоделся простым аббатом и явил-

ся на заседание, где снова было вынесено решение в пользу опекуна. Услышав это, Карл V раскрыл свою личность и приказал привязать судей к хвостам лошадей и пустить тех по улице. После с судей была снята кожа, которой обили кресла для новых судей как напоминание об их долгах — вершить правосудие.

Мотив поиска кладов является сюжетообразующим для ряда легенд, получивших в итальянской культуре название плутонических [Салеева, 2015, с. 61; Pitrè, 1904, с. 272] и считающихся результатом взаимодействия с культурой сарацинов. Отличительной особенностью этих легенд, во-первых, является наличие в них ритуальных действий. Например, для того чтобы добраться до сокровищ, спрятанных неподалеку от церкви Санта Мария делле Грации в Ачиреале, необходимо съесть целиком сырую рыбу и выпить кувшин вина. Вторым обязательным условием получения клада в сицилийских легендах является общение с духами или какими-либо другими сущностями, которые охраняют эти сокровища. В частности, желающему получить клад, скрытый неподалеку от коммуны Джарре, предстоит вызвать дьявола, чтобы тот побрил ему бороду, и во время этой процедуры охотник за сокровищами не должен продемонстрировать страх.

Заключение

В результате исследования в легендах острова Сицилия были выявлены устойчивые комбинации мотивов и сюжетных схем. В этиологических легендах с мифологическим элементом наиболее частотной является комбинация *мотива любви*, представляющей завязку сюжета, и *мотива превращения* как разрешения создавшейся конфликтной ситуации. Ключевым элементом в такого рода легендах предстает компонент «фантастического», который, однако, исчезает в эпоху Средневековья, что, возможно, связано с возрастающей исторической достоверностью легенд.

С приходом христианства выделяется объемный кластер апокрифических легенд, традиционными сюжетообразующими мотивами которых становятся: 1) *мотив победы добра над злом*, в которых часто добро представлено христианством, а зло — язычеством или колдовством; 2) *мотив сговора человека с дьяволом* — целью такой сделки является получение сверхъестественных способностей человеком в обмен на его душу. *Мотив хитрости*, также встречающийся в этом типе легенд, имеет свою специфику: данным качеством наделяется преимущественно человек или дьявол, причем демону, прибегающему к хитрости, не удается осуществить свои замыслы.

Мотивы божьей кары и справедливости являются логическим завершением конфликта ряда легенд, завязка которых предполагает ущемление прав обездоленных, надругательство над символами религии и прочие преступления, в связи с чем можно говорить о воспитательной функции такого рода легенд.

Мотив превращения может быть также реализован в повествовании как наделение жизнью неодушевленных предметов и при этом употребляться в комбинации с мотивом *сговора человека с дьяволом и победы добра над злом*. *Мотив поиска кладов* в сюжете сочетается с выполнением героями легенд определенных обрядовых действий.

Перспективы исследования мы видим в компаративном анализе сюжетов и мотивов легенд Сицилии и других областей Италии, а также в изучении легенд Сицилии с позиции культурологии — как одного из возможных элементов формирования локальной идентичности сицилийцев.

Библиографический список

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.

Дорофеева Л. Г. Мотив Рая в сказках Г.Х. Андерсена // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 55–63.

Кудаева З. Ж. Легенды: к проблеме определения и классификации жанров адыгской несказочной прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 4 (247). С. 129–136. <http://vestnik.adygnet.ru/files/2019.4/6108/129–136.pdf>

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М., СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 237 с.

Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 168 с.

Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М.: Индрик, 2004. 496 с.

Нефедова О. И. Реализация мотива «бесплодная земля» и образа Короля Рыбака в романе «Код да Винчи» Д. Брауна // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 45 (1). С. 70–77. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.45.1.07>

Павлова А. В., Никитин К. Д. Мотив тайны в творчестве Г. Ф. Лавкрафта // Балтийский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 3 (40). С. 30–34. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_03_07

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998: 352 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.

Силентьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.

Синегубова К. В. Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент» // Сибирь. Скрипта. 2023. № 25 (4). С. 587–594. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594>

Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В. Я. Проппа. (1895–1970). М.: Наука, 1975. 320 с.

Хагожеева Л. С. Мотив гостеприимства в адыгских сказках // Научные известия. 2018. № 11. С. 75–79.

Список источников

Салеева Д. А. Куда бежит Горгона? Путеводитель по мифологическим местам Сицилии. М.: Издательские решения, 2015. 330 с.

Caloggero I. Culti dell'antica Sicilia. Ragusa: Centro Studi Helios, 2022, 225 p.

Crisafi A. Misteri e leggende di Sicilia. Fra mitologia, storia e cronaca. Messina: Kimerik, 2019, 152 p.

Di Pasquale E. Misteri, crimini e segreti della Sicilia. Enigmi archeologici, miti e leggende, delitti insoluti e molte altre storie inspiegabili. Roma: Newton Compton Editori, 2012, 287 p.

Pitrè G., Lazzaro B. Cola Pesce e altre fiabe e leggende popolari siciliane. Roma: Donzelli, 2016, 347 p.

Pitrè G. Studi di leggende popolari in Sicilia e nuova raccolta di Giuseppe Pitrè. Torino: C. Clausen, 1904, 895 p.

Purpura F. Leggende medioevali siciliane. Siracusa: Trinakria, 2005. 128 p.

Eccellenze meridionali. <http://www.eccellenzemeridionali.it>

Globus Magazine. <http://www.globusmagazine.it>

Siciliafan. <http://www.siciliafan.it>

Sicilia preziosa. <http://www.siciliapreziosa.it>

References

Veselovskiy A. N. Historical Poetic, Moscow, 1989, 406 p. (In Russian)

Dorofeeva L. G. The motif of Paradise in G. H. Andersen's fairy tales. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*=Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University, 2018, no. 4, p. 55–63. (In Russian)

Kudaeva Z. Zh. Legends: to the Problem of Definition and Classification of Genres of Adyghe Non-Fairy Tale Prose. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta.* = Bulletin of Adygeya State University, 2019, no. 4 (247), p. 129–136. Retrieved from <http://vestnik.adygnet.ru/files/2019.4/6108/129–136.pdf> (In Russian)

Meletinskiy E. M. The hero of the fairy tale: the origin of the image. Moscow, St. Petersburg, 2005, 237 p. (In Russian)

Meletinskiy E. M. From myth to literature. Textbook for the course “Theory of Myth and Historical Poetics of Narrative Genres”, Moscow, 2001, 168 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Motif and text, Moscow, 2004, 496 p. (In Russian)

Nefedova O. I. Realisation of the motif “barren land” and the image of the Fisher King in the novel “The Da Vinci Code” by D. Brown. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta.* = Bulletin of Moscow City Pedagogical University, 2022, no. 45 (1), p. 70–77. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.45.1.07> (In Russian)

Pavlova A. V., Nikitin K. D. The motif of mystery in the works of H. F. Lovecraft. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal, 2022, vol. 11, no. 3 (40), p. 30–35. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_03_07 (In Russian)

Propp V. Ya. The historical roots of the magic tale, Moscow, 2000, 336 p. (In Russian)

Propp V. Ya. The morphology of the fairy tale, Moscow, 2001, 192 p. (In Russian)

Propp V. Ya. The poetics of folklore, Moscow, 1998, 352 p. (In Russian)

Putilov B. N. Folklore and popular culture, St. Petersburg, 1994, 235 p. (In Russian)

Silant'ev I. V. Poetics of the motif, Moscow, 2004, 294 pp. (In Russian)

Sinegubova K. V. The motif of laughter in Xenia Buksha's novel Advent. *SibSkript* = SibSkript, 2023, no. 25 (4), p. 587–594. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594> (In Russian)

Typological studies on folklore (Text): Collection of articles in memory of V. Y. Propp. Moscow, 1975, 320 p. (In Russian)

Khagozheeva L. S. The motif of hospitality in Adyghe tales. *Nauchnye izvestiya* = Scientific News, 2018, no. 11, pp. 75–79. (In Russian)

List of Sources

Saleeva D. A. Where does the Gorgon run to? A guide to the mythological sites of Sicily, Moscow, 2015, 330 p. (In Russian)

Caloggero I. Ancient Sicilian cults, Ragusa, 2022, 225 p.

Crisafi A. Mysteries and Legends of Sicily. Between mythology, history and chronicle, Messina, 2019, 152 p.

Di Pasquale E. *Mysteries, crimes and secrets of Sicily. Archaeological enigmas, myths and legends, unsolved murders and many other unexplained stories*, Roma, 2012, 287 p.

Pitrè G., Lazzaro B. *Cola Pesce and other Sicilian folk tales and legends*, Roma, 2016, 347 p.

Pitrè G. *Studies of popular legends in Sicily and a new collection by Giuseppe Pitrè*, Torino, 1904, 895 p.

Purpura F. *Sicilian medieval legends*, Siracusa, 2005, 128 p.

Eccellenze meridionali. <http://www.eccellenzemeridionali.it>

Globus Magazine. <http://www.globusmagazine.it>

Siciliafan. <http://www.siciliafan.it>

Sicilia preziosa. <http://www.siciliapreziosa.it>